

КРАСОТА С ПЛОХИМ КОНЦОМ

Япония крупным планом

Что возникает в сознании при словах "японская опера"? В лучшем случае — "Мадам Баттерфляй" итальянца Джакомо Пуччини. Про худший даже и говорить не стоит. В любом варианте в душе забрезжит что-нибудь экзотическое и далекое от прагматической реальности текущего дня. Зрители, пришедшие в минувшие выходные в роскошное здание "Новой оперы", недавно украсившее возрожденный сад "Эрмитаж", смогли насладиться и экзотикой, и принципиальной антизлободневностью японского искусства. Опера современного японского композитора Дана Икумы "Юдзуру" ("Журавлиные перья") впервые была показана в Москве, и, возможно, эта "тонкая штучка" — изящная и красивая, как все, что имеет лейбл "made in Japan" — то, что нужно сейчас нашей растерявшейся от нахлынувших потрясений публике.

Самые "жирные" пятерки я бы поставила художнику-сценографу **Сигэки Вакабаяси** и художнику по свету **Сумии Ёсии**. Именно они превратили пространство сцены в полный живо дыхания японский пейзаж. Декорации, выполненные с удивительной простотой (картон и ткани), абсолютно соответствуют самым последним тенденциям в области оперной сценографии. Европейским, разумеется, а не российским, которые продолжают развиваться в каком-то безумно устаревшем, нафталиновом русле. Световая палитра превращает задник то в предрассветное небо Страны восходящего солнца, то в хмурое облачное небо, то в бескрайний океан с играющими волнами. Велико-

лепно сделана снежная буря, которая поднимается в самые драматические моменты печальной оперы: снежные хлопья буквально засыпают все пространство сцены, создавая впечатлительного объема, от которого захватывает дух. При этом — никаких японских технологических излишеств. Этот спектакль (если сравнивать его с другими японскими театральными чудесами, стоимостью в несколько миллионов долларов) вполне можно назвать малобюджетным.

Сюжет оперы — один из самых известных во всем мире дальневосточных мифов. Прекрасная Цу, девушка-журавль (ее играет красивая, маленькая с крошечными ножками **Сацуки Адати** — обладательница премии за исполнение партии Виолетты в опере Верди), оставившая небо ради земной любви, становится жертвой человеческой алчности. Ее возлюбленный Йохю

(**Кэн Мацууро**), недалекий наивный крестьянин, под давлением жадных односельчан (**Масахико Имамура** и **Такоэ Симамура**), заставляет Цу ткать прекрасную ткань на продажу. Из любви к нему она соглашается, хотя эта ткань должна быть соткана из ее перьев. В финале обессиленная, мертвенно-бледная Цу (автор костюмов **Соноко Ватанабэ** переделал героиню, надев на нее вместо сверкающего нежного кимоно обугленное, как бы окровавленное платье) превращается в журавля и покидает рыдающего Йохю, променявшего любовь на деньги.

Притом что японский колорит чувствуется в каждой сцене, опера тем не менее написана в духе традиционных итальянских стандартов рубежа веков. Пуччиниевские интонации, гармонии, характер инструментовки в сочетании с опорой на речитативно-аризонный стиль в духе Мусоргского — вот музыкальные образцы, с которых слеплена не лишенная красоты музыка мэтра японской композиторской братии **Икумансан**. Итальянская школа чувствуется и в манере солистов (Кэн Мацууро учился в Милане). Но даже некоторая вторичность музыкального материала не могла заслонить красоту и чистоту сценической картинке, напомнившей мне японские открытки, увиденные когда-то в детстве. Красивая сказка с грустным концом понравилась публике, большинство которой, конечно, составляли японцы. Были и персоны VIP — в том числе посол Японии в России г-н Того, что и понятно: опера открыла большую программу "Япония крупным планом", проходящую в Москве. Впрочем, российские зрители тоже были довольны: вот она, дальневосточная экзотика, — когда еще такую увидишь!

Екатерина КРЕТОВА.
Фото **Андрея ЕГОРШЕВА.**